

Собрание деловых текстов XVII в. Владимирского края, подготовленное в Секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР, существенно отличается от изданий других памятников делового языка, ранее подготовленных в этом секторе.

Памятники делового языка Владимирского края — бывшей Ростово-Суздальской земли, составлявшей в прошлом ядро Северо-Восточной Руси, представляют для исследователя большую ценность, т. к. на этой территории перекрещивались северновеликорусские и южновеликорусские языковые черты. Испытывая влияние московского говора, речь Владимирского края играла существенную роль в том «сплаве» диалектных систем, в результате которого в XVII — начале XVIII вв. начинается процесс складывания норм единого общерусского национального языка.

Второй особенностью издания является его содержание. Почти все предыдущие издания рукописных памятников данного периода объединяют одни и те же разновидности деловых жанров — грамотки, отказные книги, таможенные книги, вести-куранты. Разнотипные документы представлены лишь в «Московской деловой и бытовой письменности XVIII века» [1], включающей в себя наряду с частной перепиской и актовые документы. В издании деловой письменности Владимирского края жанровая принадлежность документов значительно разнообразнее. В него вошли такие деловые тексты, как частные письма (грамотки), отказные книги, челобитные, сказки, памяти, поручные записи, а также такие оригинальные документы, как приходо-расходные книги, посевные, ужиные, опытные, умолютные книги и памяти, расходные книги, рассмотренные книги и некоторые другие документы, образцы которых ранее лингвистически удовлетворительно не издавались.

В рецензируемом издании решена важная задача — достоверное отнесение публикуемых текстов к местной речевой среде: в большинстве случаев принадлежность писцов к местным жителям не вызывает сомнений. Поэтому следует согласиться с авторами в том, что «вошедшие в настоящую книгу тексты являются оптимальными с точки зрения исследования живой народной речи Владимирского края XVII века, а в ретроспективном плане и более раннего времени» (с. 4).

Лексический состав изданных памятников тематически многообразен и отражает предметно-бытовую лексику, упот-

реблявшуюся в живой речи Владимирского края. В приходо-расходных книгах многочисленны названия продуктов питания: *бары и пивные дробины* (79, 410об) ¹; взято с *медовых ставок* на сытнинном воску три рубля (там же); собрано... с *пивных варь* квочных денег одиннадцать рублей (там же); в *дрожденики солоду* пятнадцать маленок да овса маленка *змель* восемь маленок и *дрождеи* купленных пошло в *браги* (81, 37б). Привлекает внимание явно местное *дрожденик* — название напитка, приготовляемого на дрожжах, пехмельной браги, разнovidности кваса.

Разнообразны и выразительны названия надворных и производственных построек, помещений, устройств, стройматериалов: *починывали заплоту* в рект... (80, 968об); куплено на *водолиях* S бревен (80, 969об); куплено на *винокурню* и на *пивоарню* и в запасные *анбары* рож... (там же).

Разнообразна эта тематическая группа лексики также и в отказных и отдельных книгах: а на дворѣ *гором изба столовая* а перед нею *сѣни*... да кѣтъ да назади другая изба а перед нею *сѣни*... погреб а на нем *напогребница струб* еловой крыт *драницами* на двѣ *житницы* да три *коношны* (1, 4); *гором горница с коннатою* на *подклетах* да *повалуша* да меж ими *сени*... да *мылна* (2, 105).

Интересно слово *повалуша*, которое в одном и том же тексте зафиксировано и как *повалища* с пометой в примечаниях «так в ркп, что свидетельствует о сомнениях издателей в правильности его фиксации в тексте. Однако в словаре В. Даля отмечены не только оба эти варианта, но и *повалища* с пометой «стар.», *повалуша* — сев., *повалушь* — ряз., *повалишь* — пен. — в значении «общая спальня, особ. летняя, холодная, куда вся семья уходила на ночь из топленной избы, из чистой горницы, *повалиться*, т. е. спать; она бывала вверх». Фиксация данного слова во владимирских памятниках уточняет его распространение и диалектную характеристику.

Перечисляя приобретенные вещи, материалы, инвентарь, авторы записей указывали их назначение и цель покупки. Это дает возможность уточнить, а иногда и выявить семантику соответствующих названий. Например: куплено досок на втулки к бочкам да гвозден и рогож и *скал* ко втулкам заделывать (заделывать—?) пивные бочки (80, 970об) [*скала* — «береста для обвертки втулок (пробок)» с целью уплотнения заделки бочек];

¹ Здесь и далее первая цифра обозначает номер памятника, вторая — лист.

он же ... чинил Л кубов мѣдных ветхих платил заплатам мѣди помлоу в починку КЗ Оуитов (80, 974). В. Даль приводит глагол *платить, платать* — «чинить, латать, класть или нашивать заплаты, доскуты» с пометой «ож.». Представляет интерес фиксация этого глагола в рецензируемых памятниках, где он употреблен в расходной тетради суздальского кружечного двора.

Как и следовало ожидать, разнообразно представлена в памятниках сельскохозяйственная лексика в посевных, ужиных, опытных и умолотных книгах и памятях (*ужин, умолот, посѣвъ, при-молот, вымолот, плужный жребий, выгарь, паренна, пустошь* и др.).

В изданных текстах содержится богатый материал по историческому словообразованию. Широко представлено словообразовательное варьирование, отражающее сосуществование в языке параллельных разноструктурных образований от одних и тех же основ и являющееся результатом взаимодействия разных говоров, в результате чего происходила дифференциация и специализация словообразовательных средств общенародного языка к их отбор в соответствии со складывающейся национальной нормой.

Показательны в этом отношении синонимические словообразовательные типы имен существительных с отвлеченным значением с формантами *-ние, -ость, -ство, -ота, -ка*, нулевым суффиксом и др., равно широко представленные во всех типах документов: *клич — кликота, насилие — насильство, несправа — несправление, немочь — немогута (морф -ута!), одежда — одение, отписк — отписка, поделка — поделье, починка — починок — почин, прозвание — прозвище, произвол — произвольство, насилка — насыль, отделка — отдел* и т. д.

Богато представлены производные имена существительные со значением лица, образованные с помощью суф. *-ик/-ник/-овник*: *калачник, кирпичник, коженик, конюшник; часовник; -чик/-щик: заводчик, заказчик, извозчик, откупщик, табачник* (от *табак*), *ямщик* и др. суф.: *ездок, житарь, жнец, пастух, ходок, рыбак*.

Интересны в словообразовательном отношении отдельные прилагательные: *возовый, заводный, баточный, достальный, золотичий, избный, кружесвой, кормный* (кормный боров), *непятиный, побольший* (побольшая бочка), *огурный, понитошный* (сукно), *скаловый, сошный*.

Показательна развитая словообразовательная синонимия прилагательных: *бараний — баранный — барановый, бревенный — бревенчатый, конский — конинный, кирпичный — кирпичичий, конопляный — конопляничный, кормный — кормовой* и т. д.

Посредством субстантивации прилагательных создан ряд терминов: *купчая, закладная, взъезжее, годовое, живущее, жилищное, праздничное* и др.

Содержательна в языке памятников всех разновидностей морфологическая информация.

Широко отражен, в частности, процесс продолжающегося, как видно, в XVII в. распада древнерусской системы склонения и формирования современных надежных парадигм.

Особенно информативны в этом отношении приходо-расходные книги, челобитные и грамоты, которые в силу разнообразия содержания и меньшей стандартизации включают многочисленные конструкции, обороты, словосочетания с косвенными падежами имен существительных. Наряду с исконными (древнерусскими) флексиями в них отражены новые окончания, явившиеся результатом процесса взаимовлияния типов и вариантов именного склонения. Так, обращает на себя внимание, что в дат.п. мн.ч. существительных с бывшей основой на *-ѡ* чаще выступает исконное окончание *-ом(ъ)*, ср.: *извозчикомъ* дано (83, 100об), дано *работникомъ* (там же), *погонцом* (84, 38об), *поденщиком* (там же), *кирпичником* (80, 969), *целовальником* и *сторожом* (128, 83) и т. д.

В то же время параллельно с исконными окончаниями, хотя и реже, встречаются и новые, современные окончания, причем разные окончания могут быть даже у одного и того же слова, ср.: дана *сторожам* (87, 39об), *сторожам* трем *члвком* (80, 972об), *бобыльским дворам* и *гумам* и *конопляником* и *огородамъ* (10, 232об), дано *шерстобитам* (87, 16об), выдано ... *служебникамъ* и ... *работникамъ* (87, 20об.); ср.: *лошадямъ* (24, 15об) и *лошадямъ* (75, 25) и т. д.

В рецензии на «Памятники южнеликорусского наречия. Таможенные книги» В. В. Иванов также отмечает последовательное отражение на письме окончания *-ом* в дат. мн. [2]. Им было, однако, замечено, что эта флексия, как правило, является безударной, и в таком случае ей, как и флексии *-а*, можно дать фонетическое объяснение для южного акающего говора. «Но как быть с *к двумя котлом*, если *-ом* под ударением?» — задается справедливым вопросом рецензент. — Достаточно ли таких редких фактов, чтобы утверждать сохранение в живом языке старой формы дат. мн.?» [2, с. 135].

Приведенные примеры по дат. мн. из владимирских памятников, представляющие собой далеко не единичные случаи и относящиеся к среднерусскому говору, показывают явное безразличие оконча-

ния -ом к ударению: ср., с одной стороны, *кошѣм, сторожѣм, властѣм, кузнечѣм* и др., а с другой — *сторожем, дворѣм* и т. д.; то же варьирование наблюдается и в безударном положении — *конопльником* и *огородамъ* — даже в одном предложении. Эти важные данные владимирских памятников, как кажется, снимают вопрос рецензента «Таможенных книг» и дают в руки исследователя новый материал, документирующий этапы формирования современной системы склонения.

Такое же варьирование старых и новых окончаний наблюдается и в других падежных формах: [предл. п. мн.ч.: в *приказах* (262, 7 и др.), был в *сторожах* (86, 48об); тв.п. мн.ч.: с *обыски* (301, 45об), з *долгами* (276, 21об)].

Все тексты рецензируемого издания широко отражают варьирование в род.ед. исконной флексии -а п флексии -у [*овса* (26, 21об) и *овсу* (62, 32)], при этом легко прослеживаются, какие по семантике имена чаще выступают с новым, вариантным окончанием -у, в основном существительные с вещественным и отвлеченным значением, а также со значением неделимого целого, что в дальнейшем, как известно, стало нормативным. Процесс этот в XVII в. был живым и активным. Это отразилось в текстах делового языка, независимо от их локализации и, как справедливо отмечают исследователи, «обнаруживает наддиалектность и единство нормативных тенденций» [3, с. 125], что одинаково отражается на статусе морфологических вариантов как в московской деловой письменности, так и в местном делопроизводстве.

Приведем примеры из челябинских, приходе-расходных книг и грамоток. в текстах которых варьирование форм на -а и на -у отражено особенно широко, что объясняется, видимо, особенностями их содержания — большим разнообразием синтаксических конструкций, меньшей стандартизацией, более слабой выучкой их авторов.

В челябинских и розысках: пособлял от *ускопу* (157, 117), до твоего *указу* (там же), для *сиску* (158, 162); в *приходо-расходных книгах*: куплено сто *кирпичу* (83, 96), куплено *дубнику* (там же); от *воску* (83, 105об), *гороху* (83, 73об); в *грамотках*: ис Патриархова *розряду* (268, 13), со всего *собору* (268, 13), *грабежу* (291, 35), привез ... *пуху* (§23, 67).

Наряду с флексией -у встречаются и исконная флексия -а, ср.: куплю ... *хлѣба* (85, 38), овин *овса* (там же); хлеба прислать и *запасу* (267, 12).

Хотя и реже, чем в род., отмечена флексия -у и в предл. падеже. ср.: в *лугу* (85, 36^а об), в *долгу* (85, 37об), в *бою* и *грабежу* (261, 6).

В сравнении с фактами, уже описан-

ными в литературе [3, с. 124], формы предложного на -у в рецензируемых памятниках разнообразнее и многочисленнее, а потому этот материал должен привлечь к себе внимание исследователей.

Встречаются также случаи аналогического выравнивания падежных флексий, не ставшие нормой, но интересные с точки зрения борьбы тенденций, отражающие сложный процесс ломки старой системы падежных флексий и то своеобразное динамическое равновесие в системе именного склонения, которое имело место в разговорном языке. ср.: всякими *пытки* (157, 136), вч. *пытками* (под влиянием склонения на -о); о *пропажех* (126, 57) вм. *пропажах* (по той же причине); с *конми* (275, 20) вм. *исконного кони* и ставшего нормативным *конями* (под влиянием склонения с -о-основами); об *отставки* (297, 41) вм. *отставке* (в результате влияния мягкого варианта на твердый); *рублѣв* (80, 975об и др.) вм. *исконного рубль* и ставшего нормативным *рублей* (под влиянием й-основ); *матере* (307, 52) вм. *исконного* и ставшего нормативным *матери* (под влиянием склонения основ на -а).

Отметим отдельные фонетические явления, получившие отражение в памятниках. Представляет интерес характер безударного вокализма в живой речи жителей Владимирского края, отразившейся довольно полно в письменных текстах.

Так, орфография памятников отражает аканье, о чем свидетельствуют как прямые подтверждения — многие случаи написания буквы а вместо о в безударных слогах, например: *ачаг* (82, 160), на *дарогу* (84, 48), *розабрали* (140, 108), *изтило* (84, 33об) [ср., высказала гедрь *папа* и *попу* говорил (215, 6)], так и косвенные — написание о (ω) вместо безударного а: три *судока* (87, 37), *колашники* (136, 198), *отлас* (140, 108).

Отражение на письме слитных согласных выглядит непоследовательно: с одной стороны, встречается *возжи* (87, 40об, 162, 1), *приказчик* (6, 542), *прикащик* (29, 5об и др.), *лещ* (87, 37—38), где, независимо от варианта написания, отражен долгий шипящий, что в будущем стало нормой литературного языка; с другой — *дрожди* (81, 374 и др.), *дрожденик* (81, 376, 377) с утратой конечного фриккативного элемента, что считается характерным для некоторых говоров Вологодской области [4]. Отражение этого фонетического явления в указанных примерах из владимирских памятников (в двух разных приходе-расходных книгах) должно привлечь внимание исследователей фонетики и диалектологов.

Из синтаксических особенностей можно отметить конструкцию «инфинитив — + им.п. существительных ж.р. на -а»,

часто встречающуюся в документах издания, особенно — в челобитных, сказках, памятях, грамотах, что говорит о ее широком распространении в живом языке. Видимо, эта синтаксическая конструкция была явлением наддиалектным — это вытекает из показателей письменных памятников: чтобы та выпис переписат (165, 423), грамота отпустит (303, 47), доведетца взят грамота (280, 250б) и т. д.

Любопытно, что порой рядом, в одной грамотке употреблены и ставшие нормативными в литературном языке обороты с вып. падежом, ср.: велено дат другую грамоту (281, 260б), написанную грамотку отдат (там же).

В текстах грамоток встретилась конструкция со вторым дательным падежом: чтоб им быт в Покровском мистрь строищиком (268, 13). Синтаксические исследования о вторых косвенных падежах построены в основном на данных книжного языка, и выводы о времени их утраты и замены творительным предикативным делаются без учета фактов живого народно-разговорного языка. Как видно, в XVII в. по крайней мере, второй дательный еще употреблялся в живой речи складывающегося средне-русского говора.

То же следует сказать и о творительном причине, утрата которого к XVII — XVIII вв. констатируется обычно на основании данных книжно-литературного языка. В рецензируемых памятниках он отмечен: крестьянин пострѣломъ ли умер или нѣтъ... того мы не ведаемъ (135, 206).

Тексты памятников содержат также важные и редкие синтаксические факты, характеризующие особенности предложного и беспредложного управления, особенности согласования, значений падежей, предлогов и союзов, а также других средств связи частей сложного предложения, порядка слов и т. д.

Приведенные факты составляют незначительную часть лингвистического материала, который имеется в памятниках делового языка Владимирского края.

Издание снабжено полным указателем слов, дающим возможность найти в тексте каждое употребление каждого из слов. К сожалению, принципы написания, а часто и реконструкции заглавных слов словоуказателя не сформулированы, а их построение зачастую вызывает сомнения или возражения. В указателе слов заглавное слово дается в написании, максимально приближенном к орфографическим нормам современного русского языка. Реальные написания в текстах, нередко далекие от этих норм, в словоуказателе не нашли отражения. Вопрос о целесообразности подачи всех вариантов написания слова в указателях к текстам

рассматриваемого типа остается дискуссионным. С одной стороны, подача многочисленных вариантов написания существенно увеличила бы объем словоуказателя, с другой стороны, именно отклонения от орфографических норм, как известно, больше всего говорят об особенностях живой речи и потому важны для исследователя. Так, в словоуказателе не нашли отражения написания *шубной* (77, 4 и др.), *кавтан* (77, 36 и др.), *пшаница* (77, 30 и др.), *чалю* (140, 108), *синокос* (267, 12), *лошед* (140, 108), *отнелъ* (194, 5), *рундушное* (89, 1330б), *празнишнаго* (87, 15), *збегались* (186, 1), *товарищемъ* (205, 31), *взеты* (266, 11), *чесноку* (87, 16), *кашохлабец* (140, 108) и т. п. [в словоуказателе — *шубный*, *кафтан*, *пшеница*, *чело*, *сенокос*, *лошадь*, *рундучный*, *праздничное*, *сбегаясь* (?), *товарищ*, *взять*, *чеснок*, *кашгалебец*]. Приставка *роз-*, типичная для всех видов издаваемых памятников, в безударном положении регулярно передается в словоуказателе как *раз-*, например, слово *рописка* 8 раз в тексте употреблено с *роз-* и ни разу с *раз-* (в словоуказателе же дано *рописка*). В то же время в словоуказателе находим как *внук*, так и *мнук*, как *дьякон*, *дьячок*, так и *диак*, *диакон*, *диачок*.

Можно отметить и несколько «технических» недочетов, касающихся указателя слов. Назовем некоторые из них: *дрожденик* отмечено в словнике 1 раз — в прих.-расх. книге 81, л. 376, в то время как в тексте оно встречается еще раз на л. 377, при этом в словнике оно дано с буквой *й* после *д* (*дрождьяник*), а в тексте оба раза с *е* (*дрожденик*); *полсвязки* — в словнике указан номер памятника — 86, л. 17, но в тексте этой приходо-расходной книги такого листа вообще нет (нумерация начинается с 43 л. и далее идет по порядку). То же можно сказать и о слове *овчинник* (л. 640б).

Однако названные нами недочеты не снижают в целом высокого лингвистико-исторического уровня рецензируемой книги, которая принесет большую пользу в изучении истории русского языка.

Гейгер Р. М., Улаханов И. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
2. Иванов В. В. // ВЯ, 1984. № 5. Рец. на кн.: Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982.
3. Глинкина Л. А. К проблеме грамматической нормы в деловой письменности XVII в. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию академика В. И. Боровского. М., 1985.
4. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 236.